

Церетели и женщины

Новые Известия - 2006 - 1 марта - 45.
Известный скульптор и художник
показал Москве все то, что любит сам

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

«Искусство нового тысячелетия» — именно так позиционируется выставка Зураба Церетели, развернувшаяся в бескрайнем зале Манежа и за его пределами (несколько скульптур вынесено на улицу). Кажется, мы знали об этом художнике почти все. Но Зураб Константинович в свойственной ему манере вновь удивил зрителей — он доказал, что может изменяться вместе с веяниями времени.

На пресс-конференции перед выставкой, на которой основную публику составляли не журналисты, а поклонники и коллеги Церетели, он сказал очень проникновенную фразу о своих критиках: «Сегодня критикуют, чтобы показать, что понимают в чем-то. Если ты ругаешь, значит, вроде бы знаешь, о чем говоришь. Но это не так. Меня критикуют люди, которые на самом деле ничего не понимают в искусстве, да и не хотят говорить об искусстве, а говорят о чем-то другом». Я, признаюсь, пережил после этих слов настоящее потрясение. Ведь, если вдуматься, все мои предыдущие претензии к Зурабу Церетели как к художнику носили характер чисто гражданского протеста. Мне не нравилась его артистическая агрессивность, его нежелание считаться с окружающим пространством Москвы, с русской сдержанностью (хотя всякие национальные определения — вещь зыбкая и несерьезная), не нравилось, что он стал академическим олигархом, взяв в свои руки все рычаги в арт-мире (зашел даже на территорию современного искусства, основав музей). Наконец, не нравилось, что он не умеет слушать собеседников и откровенно льстит властям. Короче говоря, к искусству все претензии и впрямь не имеют отношения. И яркое тому подтверждение — успех Зураба Константиновича на последних торгах аукциона «Сотбис», где его ранний натюрморт был продан за 100 тыс. долларов. Не это ли в глазах нынешних дилеров доказательство качества?

Так или иначе, входя в манежный зал, обозреватель «НИ» готов был воспринять нового и малоизвестного художника. Вначале это вполне удавалось сделать. Во-первых, Зу-

раб Церетели дальновидно выставил не монументальные изделия, а станковые и камерные работы. Конечно, без памятников не обошлось — есть даже три варианта монумента де Голлю, установленному около гостиницы «Космос». Но общий тон экспозиции — подарочные открытки (таким образом президент академии сделал подарок женщинам). Кто-то вовремя намекнул Церетели, что его эмали и вазы куда как больше понравятся слабому полу, чем страшные физиономии Петра. Во-вторых, нам возвратили грузинского художника Церетели. Опять же большинство работ навеяны грузинским фольклором или ностальгическими детскими воспоминаниями в стиле фильма «Покровские ворота», как если бы этот фильм снимался где-нибудь на улочках Тбилиси.

Иными словами, Церетели уже не претендует на новорусский размах, а создает скорее новогрузинский стиль. Не случайно на плакатах к выставке возник герб «рода Церетели», а в центре Манежа встало несколько статуй из серии «Горожане» — типично грузинские типажи (от старьевщика до виночерпия). Вообще стиль манежной выставки можно сравнить с грузинским тостом — ярким (вокруг много красной обивки), долгим (стены увешены в пять рядов эмалями и шелкографиями) и не говорящим почти ни о чем, кроме как о любви к жизни или к женщинам.

Вместе с тем по мере движения по залу умильное состояние от действия этого красного грузинского вина меняется на другие ощущения. То там, то здесь попадаются такие пряности и приправы, которые просто не в состоянии воспринять нормальный арт-критик. Например, в центральном ряду экспозиции зрителей встречает монументальная композиция «Детство Петра» (самая большая на выставке): словно матрешка в треугольном сарафане стоит огромная Наталья Нарышкина, а рядом от чего-то стремительно убегает с выпученными глазами маленький сын Петр. В одной руке у Петра сабля, в другой — кораблик. При этом Петруша одет в голландский камзол с треуголкой. Или, например, в окружении грузинских типажей начала XX века (серия «Горожане») с метлой возвышается Юрий Лужков, выметающий из города мусор. Такое ощущение, что «лица кавказской национальности» (торговец рыбой или

Особое внимание Зураб Константинович уделил наезднице Елене Батуриной.

«Не могу оглянуться и посмотреть, что я создал»

Зураб Церетели ответил на вопросы «Новых Известий».

— Зураб Константинович, как может смертный сделать все это за год-два? Как вы успеваете?

— Я рождаю идею, создаю форму и передаю заводу. Там идет процесс отливки. Важно иметь свое отношение к искусству. А много ли идей в день рождается — зависит от хороших эмоций.

— Сколько, к примеру, народу вам помогало в реализации мемориала на Поклонной горе?

— Строители делали, а их — не знаю сколько. Когда из окна смотрел, помню: работали четыре подъемных крана. Как муравьи, ходили там, наверху, строители: радовались, что для искусства делают. Очень старались они для искусства.

— Что для вас важнее — скульптура или живопись?

— Если я даже из грязи сделаю художественное произведение, то тогда материал не играет для меня никакой роли. Главное — создать произведение, которое народ примет, а из чего — не имеет значения.

— Какой город мира стимулирует ваше творчество, вызывает вдохновение?

— Вы знаете, действует солнце. А солнце есть в любом городе. Особенно вдохновляют, конечно, женщины. Красота, которая есть у женщин и у природы.

— Есть ли у вас любимая скульптура?

— Моей нет. Я — шагаю. Хочу сделать лучше и лучше, не могу оглянуться и посмотреть, что я создал.

Беседовала Елена КВАСКОВА

старьевщик) терпеливо ждут, когда же мэз закончит трудовую вахту и они займут свои места на чистом рынке. Наконец, в серии «Мои современники» особое место занимает портрет Елены Батуриной, которая, по версии Церетели, достойна запечатления как великая наездница. Она стоит на подобие марионетки в странных шароварах и держит за узду изящную лошадь.

Опять же могут сказать, что все эти претензии не искусствоведческие, а вкусовые и даже политические (не будь эта наездница супругой Лужкова, никто бы и внимания не обратил). Но тут уж ничего не поделаешь — Церетели постоянно заносит на скользкую дорожку служения власти. И оценивать его приходится по его же гамбургскому, точнее, по новомосковскому счету.